

ПРАВО

УДК 343.237

Ю.С. Караваева

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ СТАТУСНО-РОЛЕВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО И ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОТРАЖЕНИЕ ТЕНДЕНЦИИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Предпринята попытка критического осмысления результатов уголовно-правового законотворчества за период 2018–2020 гг. посредством анализа вновь появившихся специальных норм, описывающих составы преступлений с использованием статусно-ролевых признаков виновного и (или) потерпевшего. Указанные нормы выполняют задачу дифференциации ответственности, одновременно их появление свидетельствует о продолжающейся специализации уголовного закона, по мнению автора, приобретшей характер избыточный

Ключевые слова: статусно-ролевое положение личности; дифференциация ответственности; специальная норма; специализация уголовного закона.

Динамика изменений, вносимых в нормы действующего уголовного закона, на протяжении продолжительного времени остается предметом активной научной критики [1]. Вместе с тем это не мешает криминализации и пенализации общественно опасных деяний оставаться устойчивыми тенденциями современной российской уголовной политики. Простой арифметический подсчет показывает, что в 2018–2019 гг. редакция Уголовного кодекса обновлялась не реже чем 11 раз в год, а в 2020 г. – 10 раз, однако изменений при этом было внесено не менее 15.

К рискам столь интенсивного законотворчества в литературе относят прежде всего снижение эффективности уголовно-правового противодействия преступности, поскольку, с одной стороны, уголовное законодательство воспринимается и правоприменителем, и населением как нестабильное, конъюнктурное, ситуативное [1]. С другой стороны, низкое качество нововведений затрудняет или делает невозможным их применение на практике. В данном случае имеется в виду как отсутствие достаточных социальных оснований для осуществляемых изменений [2], так и сомнительный уровень законодательной техники предлагаемых уголовно-правовых норм [3].

Сложно говорить о том, что активная законодательная деятельность позволяет судить о смене приоритетов уголовной политики государства, поскольку приоритеты обладают качеством долговременности и рассчитаны на более длительные периоды, чем один-полтора месяца, в среднем фактически имеющим место между новыми редакциями Кодекса. Более того, «высокая частота изменений и дополнений может свидетельствовать только об отсутствии ясного представления о том, каким именно должен быть уголовный закон как средство проведения в жизнь государственной уголовной политики» [4]. Однако анализ новелл уголовного закона за последние три года как результата криминализации общественно опасных деяний позволяет с уверенностью говорить о сохранении тенденции его специализации. Действительно, за период 2018–2020 гг. появилось 11 специальных норм, закрепляющих признаки основных составов преступлений, совершение которых возможно лицом с определенным статусно-ролевым положением, и 3 нор-

мы, в которых указанный признак субъекта имеет значение квалифицирующего.

Нельзя назвать внушительным количество исследований в отечественной науке, посвященных вопросам специализации закона, и уголовного закона в частности. Среди них одно из ключевых мест занимает работа Н.И. Сенякина, в которой специализацию российского законодательства автор рассматривает как «объективную тенденцию его развития, отражающую идентичный прогрессивный процесс в различных социальных сферах нашего общества и направленную на учет особенностей, специфики и многогранности внутрифедеративных общественных отношений, урегулирование которых осуществляется определенным комплексом юридических предписаний и нормативных актов» [5. С. 6]. В данном случае речь идет об отраслевой специализации, «непосредственным результатом» которой является «структура права» [6]. Однако процесс специализации может иметь место и в рамках отдельно взятой отрасли, когда его «правовой основой» становится «совокупность» специальных норм [5. С. 14]. Связывая специализацию закона с особенностями юридической техники, Е.Г. Потапенко указывает на ее направленность на «...создание специальных норм, т.е. норм, содержащих особенное правило в отношении отдельной группы правоотношений» [7]. Необходимость в их появлении обусловлена тем фактом, что «развитие общественных отношений объективно требует усложнения регулятивного воздействия на них, учета множества ранее нерегламентированных их вариантов, многообразия жизненных ситуаций» [7].

Применительно к уголовному закону в основе его специализации лежат объективные изменения общественной опасности деяния и (или) деятеля за счет тех или иных признаков, что констатируется законодателем посредством криминализации и пенализации в рамках дифференциации ответственности. Очевидно, что при отсутствии избыточности или «неоправданности» [5. С. 22] специализации закона создаются необходимые нормативные предпосылки для эффективного выполнения задач уголовно-правовой охраны и предупреждения преступлений,

обозначенных в ч. 1 ст. 2 УК РФ. К примеру, преступления должностных лиц против правосудия, включенные в Главу 31 УК РФ, являются «специальными видами должностных преступлений» [8. С. 6]. Обоснованность дифференцированного подхода законодателя к их регламентации принято связывать с «учетом удвоенной общественной опасности преступлений, совершаемых судьями, прокурорами и следователями» [8. С. 6], что, по мысли В.Н. Боркова, лежит в основе решения «вопросов совершенствования уголовно-правовой охраны отношений в сфере судопроизводства» [8. С. 6].

Вопрос о формах специализации остается дискуссионным, но на основе авторских позиций однозначно к таковым следует отнести дифференциацию правового регулирования [5. С. 7; 7; 9. С. 53]; относительно конкретизации и детализации единогласия не достигнуто, поскольку некоторые ученые рассматривают их в качестве «методов специализации» [7], «способов правотворчества» [10, 11]. Мы полагаем, что речь все же идет о формах специализации, а к способам правотворчества или к приемам законодательной техники как к «технологии» изготовления юридических норм» [12], в частности, следует отнести абстрактный и казуистический приемы.

Отмечается, что при дифференциации закона могут создаваться нормы как специальные, так и дублирующие основную, тогда как при конкретизации – только специальные [7]. Принципиальная разница между этими формами специализации заключается в том, что в последнем случае специальная норма, являясь конкретизирующей, соотносится с конкретизируемой как «общее» и «особенное» [10]. При этом конкретизация «подлежит лишь те предписания права, которые не выражены в эмпирически фиксируемых признаках проступков и событий и, следовательно, не могут быть непосредственно воплощены в поведении» [10]. Отсюда к примерам конкретизации как форме специализации уголовного закона можно отнести ч. 1 ст. 6 УК РФ, устанавливающую необходимость назначения справедливого наказания в качестве уголовно-правового принципа, и ст. 60–72.1 УК РФ, содержащие конкретные правила назначения наказания во исполнение данного принципа.

В науке уголовного права появление специальных норм связывается с дифференциацией ответственности, в рамках которой «новый состав формулируется более узко, в него вводятся дополнительные, конкретизирующие и уточняющие признаки состава преступления» и «изменяется и санкция, типовое наказание, следующее за совершение преступления, оцененного по специальному, а не по основному составу преступления» [13. С. 83]. Иными словами, специальные нормы Особенной части уголовного закона отражают процесс его специализации, протекающий в форме дифференциации, в основе которой лежит стремление законодателя дифференцировать меры ответственности с учетом объективного изменения степени и характера типовой общественной опасности деяния и деятеля. Единственным исключением можно назвать ст. 332–352 УК РФ, которые конкретизируют положения ч. 1 ст. 331 УК РФ,

устанавливающие понятие преступлений против военной службы.

Отметим, что как результат дифференциации специальные нормы можно обнаружить и в Общей части УК РФ, например в ст. 76.1 УК РФ, рассчитанной на применение к определенному кругу лиц, выделяемых по виду совершенного деяния.

С учетом изложенного, с одной стороны, специальные нормы уголовного закона отражают процесс его специализации, протекающий, как правило, в форме дифференциации правового регулирования. С другой – являются результатом дифференцированного подхода законодателя к определению меры ответственности за те или иные преступления посредством криминализации признака (признаков), изменяющего типовую степень общественной опасности. Представляется, что никакого противоречия в данном случае нет. Действительно, если специализация характеризует технико-юридическую деятельность по оформлению объективно усложняющихся общественных отношений, то логика появления специальных норм в Особенной части уголовного закона такова: как и в любом другом случае криминализации деяния и последующему появлению специальной нормы предшествует установление социально-криминологических оснований – объективно общественно опасного деяния, которое должно быть «более или менее распространенным» [14]. В случае со специальными нормами констатируется, что, несмотря на установление уголовной ответственности за деяние, однородное, но не тождественное выявленному, общественная опасность второго существенно отличается от типовой за счет появления некоторого «дополнительного» признака в его составе. В этот момент следует постановка вопроса о необходимости криминализации указанного деяния, и Особенная часть кодекса обогащается еще одной специальной нормой. Из этого следует, что объективный характер специализации уголовного закона предопределяется объективными процессами усложнения форм и характером общественных взаимодействий, вызвавших необходимость в дифференциации его норм с целью отражения изменившейся типовой общественной опасности деяния и (или) деятеля посредством дифференциации ответственности.

Поскольку процесс усложнения социальной организации, а значит, и дальнейшая дифференциация закона являются постоянными и в целом довольно интенсивными, вполне обоснованно придавать специализации уголовного закона характер тенденции его развития. Этот же вывод следует из выявленной взаимосвязи между специализацией и дифференциацией ответственности, поскольку «дифференциация уголовной ответственности является одним из ключевых направлений современного развития уголовного законодательства и уголовно-правовой политики в целом» [15].

Приведенное утверждение, по мысли Н.И. Сенякина, само по себе не должно вызывать возражений до тех пор, пока «естественная» или объективно обусловленная специализация не перерастает в «необоснованную» или «неоправданную». Одним из показателей ее, как представляется, вполне возможно считать чрезмерное использование казуистического

«технического приема» [12] при конструировании законодательных норм со всеми вытекающими последствиями в виде их «мертворожденного» характера, дублирования уже действующих положений. Особенность данного метода заключается в приведении в диспозиции статьи «...полного (по мнению законодателя) перечня видов возможного преступного поведения либо фактические обстоятельства даются путём указания на конкретные, индивидуальные признаки» [16]. Использование казуистического приема обусловлено «степенью изменчивости и подвижности общественных отношений», когда «стабильным отношениям больше соответствуют конкретные диспозиции, преобладание конкретизирующих и детализирующих норм, в описании которых наряду с отдельными родовыми признаками состава преступления содержатся признаки единичного преступления» [12].

Анализируя работы дореволюционных ученых, С.В. Липень подчеркивает, что еще во второй половине XIX в. отмечалась «казуистичность российских законов, их ненаучность...» [17]. С учетом изменений Особенной части уголовного закона в последние годы складывается ощущение, что ситуация принципиально не изменилась, поскольку по-прежнему авторы отмечают его «избыточную казуализацию» [18], «излишнюю казуистичность» [1], причем как в отношении уголовного закона в целом, так и применительно к отдельным его структурным частям. Характерно, что наиболее часто упоминается в этом смысле Глава 22 УК РФ, содержащая нормы об экономических преступлениях. В частности, О.Г. Соловьев отмечает «...постепенную казуификацию (при этом не всегда оправданную с точки зрения требований юридической техники) диспозиций норм о преступлениях в сфере экономической деятельности – чем позднее введена в УК статья, тем более казуистично она изложена» [16]. Н.А. Лопашенко и коллектив авторов, обосновывая свое видение теоретической модели структуры Особенной части УК РФ, ссылаются на аналогичные позиции ряда ученых [19].

Определение действующего уголовного закона как казуистичного позволяет не только сделать вывод о «недостаточной юридической культуре» [20] законодателя, но и спрогнозировать правоприменительный эффект: «на практике происходит парадоксальная ситуация: чем сложнее и многословнее описана диспозиция конкретной нормы гл. 22 УК РФ, тем реже эта норма применяется либо вообще не применяется; чем более казуистичными становятся нормы этой главы, тем меньше экономических преступников привлекается к уголовной ответственности» [21].

Вместе с тем, появление специальных норм в уголовном законе так или иначе предполагает использование казуистического приема законодательной техники, что при отсутствии признаков чрезмерности однозначно свидетельствовать об избыточности специализации не может.

Анализ Особенной части УК РФ показывает, что одним из наиболее распространенных признаков, влияющих на изменение типовой общественной опасности деятеля и (или) деяния, закрепленных в специальных нормах, выступает статусно-ролевое положе-

ние виновного, имеющее значение специального признака субъекта [22. С. 10]. Это вполне соответствует идее о том, что «в качестве одного из оснований дифференциации ответственности выступают различия типовых характеристик лиц, совершающих преступные деяния, влияние которых на ответственность определено в законе» [15]. Вместе с тем в ряде норм дифференцирующее значение приобретает статусно-ролевые признаки потерпевшего – речь идет, например, о посягательствах на представителей правоохранительных органов (ст. 295–296, 298.1 УК РФ), представителей власти (ст. 317–320 УК РФ).

Так, если в первой редакции УК РФ 1996 г. количество составов со специальным субъектом составляло 130 от общего числа составов 256, то на 2016 г. – 177 от общего числа составов 347, а на февраль 2021 г. – 185 от общего числа составов 373¹. При этом в период 1996–2021 гг. в процентном соотношении доля основных составов преступлений со специальным субъектом от общего числа составов в Особенной части кодекса остается примерно одинаковой – 50%². Важно, что, отмечая факт увеличения числа статей УК РФ более чем на 1/3, А.В. Наумов констатирует, что «в большинстве случаев вмешательство законодателя в текст Уголовного кодекса заключалось в криминализации новых, не запрещенных ранее деяний и установлении за них уголовной ответственности» [23]. С учетом изменений за 2018–2020 гг. следует указать, что, как правило, появляются именно специальные нормы.

Если говорить о квалифицированных составах, выделенных законодателем с учетом статусно-ролевого положения субъекта, то на февраль 2021 г. их количество составило 79 от общего числа, из них в 61 квалифицирующим признаком выступает служебное положение виновного, с использованием которого совершается преступление. Статус и роль виновного получают привилегирующее значение в 6 случаях, кроме того, в 22 случаях законодатель учитывает характеристики статусно-ролевого положения потерпевшего в целях дифференциации ответственности.

Безусловно, специфика субъекта преступления или потерпевшего отражается на характеристиках других элементов и признаков составов соответствующих деяний – на объекте посягательства, характере и тяжести преступных последствий, способе посягательства. Однако именно статусно-ролевые признаки, будучи закрепленными в диспозициях статей Особенной части кодекса, становятся индикатором продолжающейся его специализации, отграничивая ту часть охраняемых общественных отношений, посягательства на которую требуют наличия указанных характеристик. К примеру, Федеральным законом № 520-ФЗ от 27.12.2018 криминализован ряд деяний в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, в результате чего в Уголовном кодексе России появились «три специальные статьи» [24] – 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок», 200.6 «Заведомо ложное экс-

пертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Данный комплекс норм призван поставить под уголовно-правовую охрану сферу закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд от преступлений лиц, обладающих определенным статусно-ролевым положением и являющихся участниками соответствующих общественных отношений. Однако, отмечая «возрастание риска появления общественно опасных деяний» в рассматриваемой сфере, обусловившее их криминализацию, А.Ю. Рябова указывает на наличие «...общих составов преступлений, которые пригодны для охраны отношений в сфере закупок товаров, работ и услуг» [24], имея в виду ст. 159 и 290 УК РФ. Более того, автор объясняет появление данных норм «созданием видимости охраны государством указанных общественных отношений» [25]. Для нас это означает, что из ограниченного круга деяний, совершение которых возможно с использованием служебного положения (п. «а» ч. 3 ст. 159 УК РФ) и должностным лицом (ст. 290 УК РФ), искусственно выделен еще более узкий круг субъектов в качестве криминообразующего признака составов вновь криминализованных деяний.

Другим примером чрезмерного использования казуистического приема применительно к статусно-ролевым признакам, на наш взгляд, выступает ст. 144.1 УК РФ, после введения которой в 2018 г. уголовно наказуемым признается необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. Эта категория лиц выделяется наряду с беременными женщинами и женщинами с детьми, нарушение трудовых прав которых в указанной части влечет уголовную ответственность по ст. 145 УК РФ. Будучи специальными относительно ст. 136 УК РФ, указанные нормы фактически являются тождественными в части и описания признаков составов преступлений, и установленных мер ответственности, различаясь лишь статусно-ролевыми характеристиками потерпевших. В контексте специализации ст. 144.1 УК РФ отражает дифференциацию закона путем дробления комплекса норм, охраняющих конституционные права граждан, включая право на труд, по признаку потерпевшего. Однако если «именно описание состава преступления должно абсолютно ясно и недвусмысленно продемонстрировать и легитимировать обоснованность привлечения к уголовной ответственности и (или) ее дифференциацию» [26], то возникает вопрос: настолько ли высока общественная опасность дискриминации в трудовой сфере в отношении указанной категории потерпевших, что это потребовало введения специальной нормы в закон? Как представляется, закрепляющее признаки привилегированного состава преступления относительно общей нормы ст. 136 УК РФ, рассматриваемое положение должно быть признано ярким примером необоснованной криминализации и чрезмерного использования казуистического приема при конструировании нормы. Очевидно, что ст. 144.1 УК РФ является

конъюнктурной попыткой снизить риски пенсионной реформы 2018 г., однако в рамках уголовного права в связи с ее введением возникают многочисленные вопросы – начиная с соответствия уголовно-правовым принципам и заканчивая проблемами квалификации.

Риск неоправданной специализации закона сдерживается, по мысли Н.И. Сенякина, обратной направленной тенденцией его унификации посредством «...сокращения объема нормативного материала, уменьшения вероятности его дублирования» [5. С. 22], наличию и объективному характеру которой не противоречит «специфика общественных отношений, дифференцированный подход к их регламентации», поскольку «наличие у этих отношений общих свойств и граней, а также их системное единство одновременно предполагает целостное урегулирование» [5. С. 22]. Полагаем, что, увлекшись специализацией уголовного закона, законодатель совершенно упустил из внимания необходимость уравнивания ее унификацией, а предпринимаемые попытки приблизиться к балансу этих тенденций малоэффективны в связи с непоследовательностью и противоречивостью законодательных изменений. К примеру, в 2019 г. квалифицирующий признак «совершение преступления должностным лицом с использованием служебного положения» в двух нормах был заменен на признак «совершение преступления с использованием своего служебного положения»³, что само по себе следует расценивать как позитивное стремление к унификации ответственности посредством «использования единой терминологии для обозначения признаков составов преступлений» [27]. Вместе с тем оно не коснулось, например, характеристики субъекта преступления, обозначенной в ст. 169–170 УК РФ, что указывает на непоследовательность изменений в рамках унификации закона.

Помимо унификации терминов, в литературе уже неоднократно высказывались предложения о необходимости ревизии Особенной части Кодекса с позиции декриминализации ряда составов преступлений, причем, как правило, речь идет именно о специальных нормах [18, 19]. В частности, «одним из главных принципов работы, если не главным» над теоретической моделью Особенной части УК РФ Н.А. Лопашенко называет «запрет расширения пределов криминализации, за исключением совершенно необходимых случаев, и направленность на декриминализацию там, где это возможно, без ущерба для обеспечения надежной охраны благ, ценностей и отношений» [19]. Реализация этой идеи законодателем, как видится, в принципе не может повлечь за собой риск отката от казуистического уголовного закона к своей противоположности – излишне абстрактному Уголовному кодексу, поскольку при условии криминологически обоснованного законодательства только объективно существующие процессы дифференциации общественных отношений требуют дифференцированного подхода в законе, в том числе по признаку статусно-ролевого положения лица.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При подсчете учитывались только основные составы.

² В разные годы отклонения составляют не более 1,5% в ту или иную сторону.

³ Речь идет о п. «а» ч. 2 ст. 258.1 и ч. 2.1 ст. 258.1 УК РФ (ред. от 16.10.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Полубинская С.В. Изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации в оценках уголовно-правовой науки // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 4. С. 234–250.
2. Бойко А.И. Причины, подходы и технология анализа эффективности уголовно-правовых мер // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). М. : Юрлитинформ, 2020. С. 26–30.
3. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40–43.
4. Лапшин В.Ф. Очередные изменения в российском уголовном законе: дифференциация уголовной ответственности или ответственности в уголовном праве? // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации уголовной ответственности и законодательной техники). 2018. № 7 (7). С. 39–49.
5. Сенякин Н.И. Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. 34 с.
6. Гончаров Д.Ю. Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 109–121.
7. Потапенко Е.Г. Формы и методы специализации права (в контексте исследования специализации цивилистического процессуального права) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 165–173.
8. Борков В.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов. Омск : Омская академия МВД России, 2012. 125 с.
9. Алексеев С.С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. 263 с.
10. Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. С. 31–39.
11. Петров Д.Е. К вопросу о соотношении понятий «дифференциация права» и «специализация законодательства» // Право и политика. 2014. № 11 (179). С. 1798–1803.
12. Панько К.К. Правила и приемы российского уголовного законодательства // Lex Russica. 2014. № 3. Т. LXXXVIII. С. 294–304.
13. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА, 2000. 400 с.
14. Прозументов Л.М. Распространенность деяний как факультативный признак их общественной опасности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 227–230.
15. Бразжник С.Д., Смирнов Р.Ю. К вопросу об основаниях дифференциации ответственности в уголовном праве России // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 75–79.
16. Соловьев О.Г. К вопросу о соотношении абстрактного и казуистического приемов в конструировании норм уголовного права // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–3. С. 231–233.
17. Липень С.В. Проблемы оценки качества законодательства в отечественной юридической науке второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Новгородского государственного университета. 2012. № 69. С. 63–67.
18. Тирранен В.А. Казуализация уголовного закона: прогресс или агония? // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 95–99.
19. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 109–118.
20. Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 142–146.
21. Соловьев О.Г. Казуистический способ изложения норм о преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ): современное состояние и тенденции // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11-1. С. 263–265.
22. Каравая Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 198 с.
23. Наумов А.В. О состоянии и перспективах отечественного уголовного законодательства («Камо грядеши?») // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 7–13.
24. Рябова А.Ю. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере закупок товаров, работ и услуг // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 611–616.
25. Рябова А.Ю., Алексеев Ю.А. Криминализация злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 401–404.
26. Кауфман М.А. О неопределенности категории «общественная опасность» и об опасности такой неопределенности // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). М. : Юрлитинформ, 2020. С. 89–93.
27. Егорова Н.А. Виды и средства дифференциации и унификации уголовной ответственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 2 (9). С. 40–47.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

Legislative Use of Attributes of the Status Role Positions of the Guilty Person and the Victim as a Reflection of the Trend of Specialization in the Russian Criminal Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 236–242.

DOI: 10.17223/15617793/468/27

Yuliya S. Karavaeva, Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: PalSysoich@yandex.ru

Keywords: status role position of individual; differentiation of liability; special norm; specialization of criminal law.

The aim of the article is to assess the frequency and validity of the use of the status role characteristics of the guilty person and/or the victim in the construction of special elements of crimes in the context of the issues of the redundancy of the current

criminal legislation specialization as the dominant trend of its development. The empirical basis of the study is the numerical values obtained in the course of arithmetic operations to determine the dynamics of legislative changes in the Criminal Code of the Russian Federation and the frequency of using the status role characteristics of the guilty person and/or the victim in special norms. The methodological basis of the work is the formal legal method, which allows working directly with the text of the criminal law in order to both conclude about the high dynamics of its changes and analyze new special norms, which ultimately led the author to the conclusion about the redundancy of its specialization. In addition, the method of mathematical calculations (simplest arithmetic operations), as well as other general scientific methods (analysis, synthesis) were used. Within the framework of a critical understanding of the legislative criminal legal activity for the period of 2018–2020, attention is drawn to its orientation and technical and legal side, the content of which indicates the predominance of the trend of specialization. Being natural and necessary, specialization allows reflecting the differentiation of legal relations as a process that takes place objectively, by differentiating the law. In the case of criminal law, this involves the emergence of special rules for the purpose of differentiating liability. The analysis of some of the special norms that have reappeared in the Special Part of the Code allows concluding that the legislator has chosen a casual way of presenting them, which, taking into account the high dynamics of lawmaking in criminal law, clearly indicates that the trend of specialization has acquired a redundant character. Taking into account the conclusion about the redundancy of specialization of the criminal law, it is possible to overcome it both by rejecting unjustified, reactive criminalization that simulates an active criminal policy of combating crime and by moving to unification processes in terms of eliminating terminological errors, violations of the requirements of systemic legislation, and reducing regulatory material.

REFERENCES

- Polubinskaya, S.V. (2011) Amendments of the Russian Federation Criminal Code in evaluations of legal science. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 4. pp. 234–250. (In Russian).
- Boyko, A.I. (2020) [Reasons, approaches and technology for analyzing the effectiveness of criminal law measures]. *Effektivnost' ugovolno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugovolno-ispolnitel'nogo protivodeystviya prestupnosti* [Effectiveness of Criminal Law, Criminological and Criminal-Executive Measures against Crime]. Proceedings of the 12th Russian Congress on Criminal Law. Moscow. 28–29 May 2020. Moscow: Yurlitinform. pp. 26–30. (In Russian).
- Gaukhan, L.D. & Zhuravlev, M.P. (2015) Law-making problems in the criminal code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 40–43. (In Russian).
- Lapshin, V.F. (2018) Regular changes in the Russian criminal law: the differentiation of criminal responsibility or liability in criminal law? *Aktual'nye problemy ugovolnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii ugovolnoy otvetstvennosti i zakonodatel'noy tekhniki)*. 7 (7). pp. 39–49. (In Russian).
- Senyakin, N.I. (1993) *Spetsializatsiya i unifikatsiya rossiyskogo zakonodatel'stva (problemy teorii i praktiki)* [Specialization and unification of Russian legislation (problems of theory and practice)]. Abstract of Law Dr. Diss. Saratov.
- Goncharov, D.Yu. (2005) Spetsializatsiya norm ugovolnogo i ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva: istoricheskaya retrospektiva [Specialization of the norms of criminal and criminal procedural legislation: a historical retrospective]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 109–121.
- Potapenko, E.G. (2018) Concept, forms and methods of law specialization (in the context of studying the specialization of civil procedural law). *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2 (121). pp. 165–173. (In Russian).
- Borkov, V.N. (2012) *Prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye dolzhnostnymi litsami pravookhranitel'nykh organov* [Crimes against Justice by Law Enforcement Officials]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs.
- Alekseev, S.S. (1975) *Struktura sovetskogo prava* [The Structure of Soviet Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
- Rabinovich, P.M. & Shmeleva, G.G. (1985) Konkretizatsiya pravovykh norm (obshcheteoreticheskie problemy) [Concretization of legal norms (general theoretical problems)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. pp. 31–39.
- Petrov, D.E. (2014) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy “differentsiatsiya prava” i “spetsializatsiya zakonodatel'stva” [On the question of the relationship between the concepts of “differentiation of law” and “specialization of legislation”]. *Pravo i politika – Law and Politics*. 11 (179). pp. 1798–1803.
- Pan'ko, K.K. (2014) Pravila i priemy rossiyskogo ugovolnogo zakonotvorchestva [Rules and techniques of Russian criminal law-making]. *Lex Russica*. 3 (88). pp. 294–304.
- Lesnievski-Kostareva, T.A. (2000) *Differentsiatsiya ugovolnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of Criminal Liability. Theory and legislative practice]. 2nd ed. Moscow: NORMA.
- Prozumentov, L.M. (2018) Prevalence of acts as an optional characteristic of their public danger. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 429. pp. 227–230. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/429/30
- Brazhnik, S.D. & Smirnov, R.Yu. (2016) On the Issue of Differentiation Bases of Responsibility in the Criminal Law of Russia. *Vestnik YarGU. Seriya: Gumanitarnye nauki – Vestnik Yaroslavl'skogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 3 (37). pp. 75–79. (In Russian).
- Solov'ev, O.G. (2016) K voprosu o sootnoshenii abstraktnogo i kazuisticheskogo priemov v konstruirovani norm ugovolnogo prava [On the question of the relationship between abstract and casuistic methods in the construction of criminal law]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2–3. pp. 231–233.
- Lipen', S.V. (2012) Problemy otsenki kachestva zakonodatel'stva v otechestvennoy yuridicheskoy nauke vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Problems of assessing the quality of legislation in domestic legal science in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NOVSVU*. 69. pp. 63–67.
- Tirranen, V.A. (2015) Casualization of criminal law: progress or agony? *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU – Socio-Economic and Humanitarian Journal of Krasnoyarsk SAU*. 2. pp. 95–99. (In Russian).
- Lopashenko, N.A. et al. (2017) A theoretical model of the special part of the criminal code of the Russian federation: a summary of its structure and content. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 1 (11). pp. 109–118. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).109-118
- Kovalev, M.I. (1962) O tekhnike ugovolnogo zakonodatel'stva [On the technique of criminal legislation]. *Pravovedeniye*. 3. pp. 142–146.
- Solov'ev, O.G. (2014) Kazuisticheskii sposob izlozheniya norm o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (gl. 22 UK RF): sovremennoe sostoyaniye i tendentsii [Casuistic way of presenting norms on crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): current state and trends]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 11-1. pp. 263–265.
- Karavaeva, Yu.S. (2017) *Spetsial'nyy sub'ekt prestupleniya: kriminologo-pravovoy analiz* [Special subject of a crime: criminal law analysis]. Law Cand. Diss. Omsk.

23. Naumov, A.V. (2021) [On the state and prospects of domestic criminal legislation (“Quo vadis?”)]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the 18th International Conference. Moscow. 21–22 January 2021. Moscow: RG-Press. pp. 7–13. (In Russian).
24. Ryabova, A.Yu. (2021) [Problems of criminal law protection of public relations in the procurement of goods, works and services]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the 18th International Conference. Moscow. 21–22 January 2021. Moscow: RG-Press. pp. 611–616. (In Russian).
25. Ryabova, A.Yu. & Alekseev, Yu.A. (2020) [Criminalization of abuse in the procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal Law: Development strategy in the 21st century]. Proceedings of the 17th International Conference. Moscow. 23–24 January 2020. Moscow: RG-Press. pp. 401–404. (In Russian).
26. Kaufman, M.A. (2020) [On the uncertainty of the “public danger” category and the danger of such uncertainty]. *Effektivnost’ ugolovno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugolovno-ispolnitel’nogo protivodeystviya prestupnosti* [Effectiveness of Criminal Law, Criminological and Criminal-Executive Measures against Crime]. Proceedings of the 12th Russian Congress on Criminal Law. Moscow. 28–29 May 2020. Moscow: Yurlitinform. pp. 89–93. (In Russian).
27. Egorova, N.A. (2009) Vidy i sredstva differentsiatsii i unifikatsii ugolovnoy otvetstvennosti [Types and means of differentiation and unification of criminal liability]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2 (9). pp. 40–47.

Received: 17 May 2021